
Людмила БРАГИНА

ИСЦЕЛЯЮЩАЯ СИЛА

Рассказ

В четвертом часу солнечный свет стал приглушеннее, словно укрывшись за матовой прозрачной вуалью. Зимний день короткий, и я старалась в выходной успеть сделать побольше дел, накопившихся за неделю. Наконец выдохлась и прилегла на кровать. Спать было жалко — уснешь на часочек, глаза откроешь, а за окном уже темно, и никаких сияний и переливов, и потом до утра только желтое однообразное свечение люстры под потолком. Поэтому я лежала, смотрела в окно и наслаждалась покоем и сладкими, мерно накатывающими волнами полудремы.

Но ведь не может быть хорошо человеку вечно, на этот случай есть телефон.

— Привет. Я вернулась из Питера, если что.

Это Валя. Мы подруги со школьной скамьи. В седьмом классе я перешла в другую школу. Район, куда мы переехали с мамой, был, что называется, пролетарский. В облупившихся хрущевках жил выработавшийся пьющий рабочий люд и их самостоятельно выросшие отпрыски. Выходя на балкон, я каждый раз видела одну и ту же безрадостную картину: посередине заросшего сорной травой двора три контейнера для пищевых отходов. Чуть поодаль, под старым тополем, грубый деревянный стол, лысые и седые макушки сидящих за ним мужиков в застиранных майках, играющих с утра в карты или домино. Иногда это сонное и тягучее происходящее разбавлялось двумя сценариями: медным лязганьем и глухими ударами похоронного оркестра или пронзительным воем милицейской сирены.

Мой новый классный руководитель, учитель физики Иван Петрович Шивотов, узнав, что я хорошистка, посадил меня к самому отпетому нарушителю дисциплины, который, как я узнала позже, был на два года старше всех и недавно вернулся из колонии для несовершеннолетних. Это было сделано с целью его исправления вследствие моего благотворного влияния. Его звали Игорь Зайцев. Меня такое соседство вгоняло в состояние ступора. От него мерзко воняло табаком, он вертелся и бузил на уроках, но появлялся редко. Чаще его видели на школьном стадионе, где он с такими же оболтусами гонял мяч. В классе говорили, что отца у него нет, брат сидит в тюрьме, а мать не работает. Вскоре за кражу сахара в ближайшем гастрономе «Восход» Игорь снова был задержан и в школе больше не появился.

Через некоторое время Иван Петрович подобрал еще одного кандидата на исправление — светловолосого щупленького мальчика с легкой, не от мира сего улыбкой.

Людмила Петровна Брагина родилась в 1967 году в Белгороде, окончила филологический факультет Белгородского государственного университета. Автор четырех поэтических книг, сборника песен, участник многочисленных коллективных сборников. Публиковалась в журналах «Дрон», «Звонница», «Наш современник», «Нижний Новгород», «Парус», «Ротонда», «Родная Кубань», «Традиции и авангард», «День и ночь» и других. Лауреат Всероссийской литературной премии «Прохоровское поле» (2012). Член Союза журналистов России. Член Союза писателей России. Живет в Белгороде.

С первого взгляда Виталик Калинин мог даже показаться дурачком, но его серые глаза смотрели внимательно и пытливо, и временами в них проскакивали озорные искры. Он оказался матерым прогульщиком-путешественником. У него была кличка Расмусбродяга, которая удивительно точно ему соответствовала, было даже внешнее сходство с главным героем недавно вышедшего приключенческого фильма. Скорее всего, он сам и выбрал его как образец для подражания. В администрацию школы периодически приходили сообщения из линейных отделов милиции железнодорожных станций в разных концах нашей необъятной родины, где его сняли с поезда. География путешествий была непредсказуемой, и отличались они длительностью и постоянством.

В общем, в основном я сидела за партией одна, открытая всем враждебным ветрам, как сказал когда-то Саша Черный. Не у кого ни списать, ни спросить, ни просто почувствовать человеческое тепло рядом.

Наконец неугомонный физик посадил меня с девочкой. На этот раз миссия моя была неясна. Я знала, что одноклассницу зовут Валя Коваль, учится на тройки, молчаливая, скрытная. Она исподлобья настороженно взглянула на меня и ничего не сказала. Я тоже промолчала. Мы сидели, как два волчонка, стараясь не смотреть друг на друга. После уроков, уже выходя из калитки, мы оказались рядом, и Валя немного стесненно предложила:

- Давай дружить! Я читать люблю, а ты?
- Конечно, давай! Я очень люблю читать.

И с этой минуты до самого выпускного мы не расставались ни на день. Наши дома находились на одинаковом расстоянии, но в противоположных направлениях от школы, поэтому мы после уроков задерживались возле калитки обсудить новости, договориться, что мы будем делать, когда встретимся после обеда, пока кто-то из учителей не разгонит нас по домам.

Сейчас мы живем в разных концах города, встречаемся реже, в основном общаемся по телефону, но в курсе всех событий жизни друг друга.

Год назад ее дочь вышла замуж. Поработав вместе с мужем на нашу среднеарифметическую провинциальную зарплату, при которой будь ты хоть семи пядей во лбу, выше не прыгнешь, решили попытать счастья в Северной столице. Молодые, легкие на подъем, решительные, нашли в Интернете квартиру, а на досках объявлений работу и уехали.

По мессенджерам особо не наговоришься. Поэтому, подгадав, когда у ребят отпуск, а у родной питерской тетки день рождения, Валя махнула на недельку в гости.

- Ну, расскажи, какой Питер теперь?
- Он прекрасен. Ноги только гудят.
- Помню, ноги нужны страусиные.

Хотя я говорю это больше для того, чтобы поддержать разговор. Какие в шестнадцать лет проблемы с дальними прогулками? В первый раз мы отправились в гости к каменному красавцу, обласканному мировой славой, на летних каникулах, окончив девятый класс. И были готовы бегать с утра до вечера по проспектам и набережным, Ботаническому, Александровскому, Летнему садам.

Утром, просыпаясь в квартире Валиной тетки на Московском проспекте, я каждый раз рассматривала лепнину на четырехметровом потолке и думала, что уснула в музее.

Вспомнились наши зачарованные блуждания белыми ночами, похожими на жидкий чай, разбавленный молоком, и поездки на катере в зеленый, бьющий в небо искрящимися брызгами фонтанов Петергоф. И снова я удивилась, как наши родители отпустили нас одних...

Это лето было каким-то фантастично-невозможным, каким его не описал ни один из сочинителей...

За время нашего пребывания на Питер не упало ни единой дождинки. Нева и каналы были идеально гладкими и блистали кобальтом и золотом лиможского фарфора.

Мы были восхитительно свободны, юны и легки. Мы не чувствовали никакихременений вроде мыслей о надвигающемся новом учебном годе, скучных форменных платьях, стопах учебников. Не думали о них вообще.

Нас будили кофейни и горячее молоко с круассанами, позаимствованная капелька тетиных духов «Нина Ричи» с двумя очаровательными белыми голубками, стоявших на туалетном столике. Они назывались «Воздух времени», терпкие и нежные, полностью совпадающие с духом того беззаботного и романтического времени.

Вернувшись домой и отоспавшись, мы встретились на следующий день. Едва увидела подружку, как у меня сжалось сердце. Свет ее зеленых глаз померк, потускнел, радость полиняла, как после долгого и холодного дождя, на лицо снова вернулось напряженно-загнанное выражение, речь стала неловкой и зажатой. И я знала, почему это случилось.

Я росла без отца, мама развелась с ним, когда мне было семь месяцев. Сколько себя помню, наравне со сказками я обожала смотреть американские фильмы. Самые любимые кадры — когда вся семья собирается за столом вокруг румяного пирога или когда, опять-таки все вместе, веселые и позитивные, отправляются в путешествие, где будут опасности и приключения, но все обязательно закончится хеппи-эндом. И все мое внимание было сосредоточено на главе семьи, подтянутом, уверенном, понимающем, готовом прийти на помощь не только советом, но и защитить от всех опасностей внешнего мира, как Джон Мэтрикс из «Коммандо». Но это позже, в отрочестве. А в три-пять лет мне очень хотелось на ручки и чтобы папа дарил игрушки и сапожки.

Меня это не отпускало лет до восемнадцати, почему-то периодически я возвращалась к этому состоянию. В новой школе мне было неуютно и одиноко, и я думала: «Вот пришел бы папа, он бы поговорил по-мужски с моими обидчиками». Воскресным вечером, приползая домой после дачи, я снова прокручивала в голове: «Вот если бы был отец, он бы помог вырыть эту жуткую картошку в два счета, а мы с мамой надели бы нарядные платья и пошли бы в кино». И тому подобное.

В самом начале нашего с Валею знакомства, узнав, что мы с мамой живем вдвоем, она искренне воскликнула: «Какая ты счастливая, что у тебя отца нет!» Я тогда смолчала, даже обиделась, но потом, когда мы подружились и стали бегать друг к другу домой, не только поняла, но и во многом согласилась с ней.

Дядя Коля работал на заводе столяром. Вредная и даже опасная для здоровья профессия. У всех перед глазами обычно возникает картинка просторной мастерской: стоящий за верстаком крепкий молодец в кожаном фартуке с мускулистыми руками с рубанком, от которого расходятся легкие волны золотистой кудрявой стружки. Но если взглянуть правде в глаза, то именно такие молодцы, как и другие мастеровые, специалисты в своем деле — электрики, слесари, газовики — быстрее всего спиваются из-за своего повсеместно востребованного ремесла. Кстати, даже сказочный родитель деревянной куклы Буратино Джузеппе тоже частенько любил заложить за воротник.

Выглядел дядя Коля так, что мог сойти не за Валиного отца, а за дедушку. Сутулый, щупленький, наполовину беззубый. Возвращался домой он нетвердой, пошатывающейся походкой, на лице блуждала бессмысленная пьяная улыбка. Если мы были в это время во дворе, Валя мгновенно скукоживалась, отворачивалась и старалась встать так, чтобы он ее не заметил и не стал окликать, по-дурацки размахивая руками.

Потоптавшись немного у подъезда, он брел домой. Сам готовил ужин, как правило, жарил на сале несколько яиц. Пока они шкворчали и румянились, дядя Коля брал алюминиевую кружку и шел к соседке по площадке бабе Нюре.

По факту он получал двойную зарплату: ту, которую гарантировал и контролировал Трудовой кодекс и заводской профсоюз, и серую: в другой, жидкой, но более твердой валюте.

Даже школьники знали, что за магарыч можно и рассчитаться за услуги, и достать любой дефицит, хоть черта с рогами. Нормой жизни было запастись надежным платежным «эквивалентом», храня его в загашниках и холодильниках.

Пока страждущий народ проклинал «минерального секретаря» в очередях длиннее, чем к Мавзолею, и штурмовал точки продажи алкогольной продукции, стремясь пройти по благу через черный ход, самогонщики сметали с полок весь сахар.

Бутылка государственной «беленькой» подросла и заматерела с трех шестидесяти двух до девяти рублей, а поллитровка косорыловки обходилась в пятьдесят копеек при смешных затратах — бидон и ванна.

Вот и у дяди Коли прямо за стенкой варилось ведьминское зелье, бурлило и капало из подколодного змеевика...

Возвращаясь, ставил черную чугунную сковороду на облезлую, изодранную клеенку, выпивал половину кружки, ел, чавкая и вытирая текущие слюни хлебом. Потом опрокидывал в рот оставшийся самогон и закусывал вареньем.

Обычно Валя и ее мать, тетя Оля, на это время старались куда-нибудь уйти. Если же они оказывались дома, то ни уроки, ничего другого делать было невозможно: он начинал приставать с идиотскими разговорами. Кривя щербатый рот, причмокивая и шепелявя, вспоминал старые обиды, которые проистекали от неуважения к нему, трудовому человеку, который ради них горбатится всю жизнь. Потом его лицо шло пятнами, глаза наливались кровью, он оскорблял и обвинял их во всех несправедливостях жизни, пока самогон бабы Нюры не вырубал его окончательно.

Мне было тогда лет десять. Шли летние каникулы, и в один из погожих благодатных деньков мы с бабушкой выбрались на дачу. Для городского ребенка вроде меня каждая такая поездка становилась волнующим приключением. Чистый воздух, простор, пение птиц вызывали восторг, вдохновляли и окрыляли. Бабушку я просто обожала, ее хорошее, бодрое настроение заряжало энергией, она рассказывала так много интересного, что мне постоянно хотелось у нее учиться.

— Ты смотри, середина лета, а земля с зимы никак не просохнет, — сокрушалась она, прохаживаясь по дорожкам, заросшим всевозможной растительностью. — Не дача, а болото, совсем закислилась, уже и плаун вылез!

— Какой плаун?

— Плаун-баранец, — бабушка показала на маленький травянистый кустик-елочку с крошечной зеленой шишечкой наверху. — Он у нас по оврагам, сырым сосновым лесам да по окраинам болот рос.

Она сорвала один побег, густо покрытый узкими кожистыми листочками, и протянула мне. Елочка была жесткой, прохладной и маслянистой на ощупь.

— Бабки-ворожки его высоко ценили.

— А за что, расскажи!

— Придет к ним какая-нибудь горемычная, у которой муж пьет, рада последнее, что осталось, отдать, в ноги кидается, просит помочь. Вот они ей настой баранца и дадут, и научат, как, когда и куда налить...

— И что?

— И у Ивана и Федота от спиртного будет рвота. Отвар из него добавляли пьяницам в еду и питье, а потом их так выворачивало, что не только пить, а глядеть не могли, самого слова боялись! А иногда из плаунов и венки плели на кладбище, — задумчиво продолжала бабушка. — Руки помой после него, ядовитый он.

Вот этот давний разговор и вспомнился мне после нашего возвращения из Питера. И я рассказала о нем подруге, от всего сердца желая помочь ей исцелить дядю Колю от злого недуга.

— Валь, а ведь сейчас как раз время, плаун-баранец в августе—сентябре собирают и сушат, может, съездим на дачу, вдруг найдем?

— А ты знаешь, как его готовить?

— В принципе, да. Отвары примерно одинаково на водяной бане готовятся, охлаждаются, отжимаются и доводятся до первоначального объема. Тут только надо, чтобы он после спиртного выпил...

— Ну, за этим дело не станет, — горько усмехнулась Валя.

Через пару часов мы уже ехали на автобусе домой и везли в полотняной сумочке зеленую охапку будущего лекарства.

Сушили его у меня на балконе в глубокой тайне, точно совершали магический обряд. На боковой полочке я постелила чистую бумагу, разложила каждую елочку отдельно и накрыла сверху слоем марли, чтобы на растение не попадали прямые солнечные лучи. Несколько дней я усердно следила, чтобы маме ничего не понадобилось на балконе. Один раз в самый последний момент едва успела перехватить тазик с выстиранным бельем и вызвалась сама повесить его, хотя обычно терпеть не могла это делать.

Когда после неверного цоканья по замку, бряцанья падающих на пол ключей, кряхтения, чертыханья и возни дверь наконец распахнулась, у нас все было готово. «Лекарство» налито в небольшую бутылочку и сокрыто до своего часа в кармане старенького Валиного халата.

— О-о-о, у нас хозяйюшки дома! — преувеличенно радостно вскричал наш «пациент». — Сейчас вечерять будем!

— Ага, — закивали мы, улыбаясь и усыпляя его бдительность.

Бухнув сковородку на плиту и мигом нашинковав сала, дядя Коля решил добавить праздника и накрошил туда же три здоровенных луковицы. Мы зашмыгали носами и отодвинулись к дверям. Что-то напевая себе под нос, он достал лоток с яйцами и начал разбивать их сначала о сковороду, потом о плиту, последние о стену, периодически оборачиваясь с лихим видом знаменитого повара-виртуоза. Остановив на нас мутный взгляд, дядя Коля покрутил головой.

— Э, нет, так не пойдет, кто не работает — тот не ест! — и поманил заскорузлым пальцем. — Вы тут последите, чтоб не пригорело, а я сейчас! — Захватив неизменную кружку и хитро подмигнув в дверях, выскочил на площадку.

— У нас три минуты, — шепнула Валя и достала бутылочку.

— Давай на яичницу, на хлеб набрызгаем, а остальное в компот, на стол поставим, может, выпьет...

Хлопнула дверь. Валин отец уже бережно нес кружку с ценным содержимым, не отрывая от нее взгляда.

— Будете? — с воодушевлением в голосе обратился к нам. — Чего ж вы не садитесь?

— Так, всё. Мы пошли уроки делать, — насупилась Валя, испытывая острое чувство стыда за родителя.

— Эх, молодежь! Вам бы всё... а отца уважить, этого нет...

И, махнув рукой, он принялся ужинать.

Мы сидели в маленькой Валиной комнате тихо, как мыши, смотрели друг на друга круглыми глазами, прислушивались и ждали. Сначала из кухни были слышны резкий выдох и утробные булькающие звуки, царапание вилки по металлу, причмокивания, икота и бормотание. Несколько раз подряд дядя Коля чихнул. Потом настала тишина. Мы боялись выглянуть. Минуты тянулись до бесконечности.

— Может, он заснул за столом? — шепотом предположила я.

— Ага, гляди, — тоже шепотом, но со злостью отозвалась Валя.

И тут из кухни раздался глухой протяжный стон.

Мы вздрогнули и схватились за руки.

Стон перешел в подвывание и прозвучал ближе.

Посреди комнаты с безумной гримасой стоял дядя Коля. Все спирты его организма восстали, пройдясь огненной лихорадкой по всему тощему, дрожащему телу. Лицо его побурело, потом побледнело, и он стал похож на мумию. Изо рта пошла слюна, по лбу градом тек пот, он схватился за живот и бросился в туалет.

«Баранец же еще и слабительное, — мысленно схватила я за голову, — бабушка ведь тогда говорила — проносное! И мочегонное! Ой, что же мы натворили...»

Шатаясь от слабости, похожий на зомби из «Живых мертвецов», он вышел, но приступ рвоты снова кинул его к унитазу. В перерывах между спазмами он клял кого-то, но слов было не разобрать. Когда его на время отпустило, он пополз на четвереньках к дивану. Тело дрожало и подергивалось, как будто через него пропускали ток. Дядя Коля попытался встать, но задрыгал ногами, глаза закатились, он растянулся на полу и затих.

Мы взвизгнули, вылетели из квартиры и через двор помчались к соседнему дому, где был телефонный автомат, вызывать «скорую». Пока не приехала машина, мы испуганно толклись в коридоре у открытой входной двери.

Минут через десять, увидев, что по лестнице поднимаются мужчина и женщина в белых халатах, мы выскочили им навстречу.

— Сюда, сюда! Тут человеку стало плохо.

Едва зайдя в квартиру, мужчина-врач окинул цепким взглядом обстановку, лежащего в той же позе на полу дядю Колю, повел носом и, скривившись, бросил:

— Перебрал.

Дебелая фельдшерица, отдуваясь, поставила на стол серебристый чемоданчик с красным крестом, открыла, достала из него пузырек с нашатырем, смочила ватку и брезгливо сунула под нос лежащему. Дядя Коля мотнул головой, но глаза не открыл.

— «Человеку...» — протянула она с явным осуждением. — Люди ради этого «человека» чемодан по десять килограммов с этажа на этаж таскают, а другие люди с инсультами и инфарктами ждут, а тут плохо ему... — и уже тише продолжила: — Кто он вам?

Валя вздрогнула, покраснела и сжалась.

— Отец.

— Собери ему документы и самые необходимые вещи. Сейчас доктор ему массаж сердца сделает, и повезем в больницу промывать желудок.

Всю неделю, пока Валин отец находился в больнице, мы чувствовали себя главными фигурантами дела «врачей-отравителей» и каждую минуту ждали, когда за нами придут и поведут в тюрьму. Тетя Оля ничего о нашем лиходействе не знала, она сходила к дяде Коле в больницу и сказала, что скоро его выпишут. Впрочем, сообщила эту новость довольно уныло.

А мы, наоборот, воспряли духом и ждали чудесного результата. Мы верили в плаун-баранец.

Дядя Коля вернулся из больницы посвежевший, но все еще временами нервно подергивавшийся.

Вечером его первого рабочего дня мы никуда не пошли, ждали его возвращения и гадали: вернется он к своему прежнему ритуалу или нет? От нетерпения мы попеременно выглядывали в окно, всматриваясь в каждого, кто появлялся во дворе. Первая его заметила Валя.

— Идет! Трезвый, что ли, не пойму...

Шел он медленно, понуро опустив голову, шаркая ногами. Через несколько минут входная дверь открылась, и на пороге показался мрачный и угрюмый Валин отец. Он в сердцах бросил ключи на полку. Однако, обнаружив нас дома, повеселел и взбодрился.

— Спасибо, девочки, что спасли меня. Не будь вас, я бы тут концы отдал, а так все еще жив, не помер. Есть хотите?

Мы отказались, но невзначай прохаживались мимо кухни и подглядывали, стараясь не пропустить главного.

На ужин тетя Оля сварила какую-то кашу, и он не стал ничего добавлять, осторожно положил себе на тарелку и стал есть. Механически жевал, глядя в одну точку, словно решая для себя какой-то исключительно важный вопрос. Его охватила та же идея, что и Родиона Раскольникова в отношении старухи-процентщицы.

Сполоснув тарелку, он потянулся было к алюминиевой кружке, но сморщился от отвращения и перевел взгляд на ящик с инструментами, где сверху лежал тяжелый плотницкий топор. Но тут вернулась домой тетя Оля. Переобувшись в передней, она с улыбкой заглянула на кухню.

— Ну что, моя каша вкуснее, чем в больнице?

Он по привычке схватил кружку и, проскочив мимо нее, выбежал из квартиры.

Все кипело у него в душе. С пролетарской ненавистью он вдавил кнопку звонка и держал, пока за дверью не послышалось недовольное:

— Да иду, не голоси, горит тебе...

Баба Нюра открыла дверь, абсолютно не подозревая, какая страшная участь уготована ей за порогом. Едва она высунулась в проем, как дядя Коля взмахнул рукой. Она дернула головой, и кружка просвистела мимо ее уха, как снаряд, сопровождаемый потоком ненормативной лексики.

Дядя Коля схватил ее за ворот вязаной кофты и жидкий седой крысиный хвостик и выволок на площадку.

— Говори, старая карга, что намешала в свое пойло? Из чего гнала? На чем настаивала?

В этот миг в его голосе скрежетал металл Великого инквизитора.

Королева шмурдяка выпучила глаза и стала божиться, что не меняла испытанный и проверенный годами рецепт и никаких новых ингредиентов не вносила.

— Димедрол небось добавляла? Куриный помет сыпала? Воду из батареи наливала? Говори, чертова кукла!

Он все трепал ее за шкуру и норовил стукнуть кружкой по голове, но уже с гарантией не промахнуться.

Баба Нюра плакала и отбивалась. Потом вырвалась и резво помчалась вверх, отчаянно тарабанив во все двери с криком: «Убивают! Милиция! Спасайте!»

Дядя Коля со злой улыбкой и одержимостью Терминатора гнался за ней, перескакивая через две ступеньки: «Вызываешь огонь на себя? Тогда ори громче!»

— В эфире военное ревью. С вами говорит полковник Баранец! — сквозь белый шум воспоминаний пробился бравый голос из маленького приемника.

Я потрясла головой, пытаюсь разграничить времена своего присутствия. За окном сгущались осенние сумерки, на кухне суетился Станислав, на столе стояла дымящаяся тарелка борща. Он оживленно потирал руки, доставая из холодильника чекушку водки:

— Ох, и продрог я, октябрь уж наступил, дохнул осенний хлад...

Я посмотрела на его раскрасневшееся лицо, рюмку, полочку с гомонящим приемником...

— Баранец, говоришь, ну-ну...